

РАДИК САЙФЕТДИНОВИЧ
ЯХИН

БАШКИРСКОЕ ФЭНТЕЗИ 6

Радик Сайфетдинович Яхин

Башкирское фэнтези 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73190433

SelfPub; 2026

Аннотация

В затерянном ауле у подножия Урала живёт старик по имени Иршат – хранитель восьми таинственных Томов, чьи страницы способны переписывать саму ткань реальности. Каждое утро он берёт гусиное перо и вновь выводит строки древних текстов, зная: любое слово может изменить мир – от едва заметного сдвига тени до катастрофического града, уничтожающего урожай. Он не переписчик, а ткач: осторожно сглаживает «описки» изначального текста, пытаясь привести мироздание к гармонии и просветлению.

Но время Иршата истекает. Его рука дрожит всё сильнее, а ошибки становятся опаснее: клякса на пергаменте способна погрузить мир в мёртвую тишину. Тем временем вокруг множатся знаки нестабильности – река меняет цвет, овцы обретают в шерсти странные письмена, сны Иршата показывают чёрные города и выжженные поля из иных реальностей.

На сцену выходят двое молодых: молчаливая Альфия...

Радик Яхин

Башкирское фэнтези 6

Повесть Восьми Томов

Иршат знал, что сегодня умрет. Знание это было не горьким, а тяжелым, как гладкий речной камень, отполированный годами, лежащий на дне сознания. Он отложил в сторону гусиное перо, кончик которого все еще дымился едва уловимым фиолетовым дымком, и посмотрел на ладонь. Сетка морщин казалась картой неведомой, безнадежно запутанной страны. Страны, которую он тщетно пытался перерисовать восемьдесят лет. В центре комнаты, на грубом деревянном столе, лежал Том. Не первый, не последний. Седьмой. Переплет из потрескавшейся кожи неустановленного животного, шнуры из сухожилий, листы не бумаги, а тончайшего, почти прозрачного пергамента, который на свет отливал синевой увядшего неба. Он открыл его на первой странице. Там не было названия. Только строчка, выведенная киноварью, красной, как запекшаяся кровь или только что распустившийся мак: «Начало есть слово, и слово есть бездна». Эту фразу Иршат переписывал каждое утро вот уже шестьдесят лет. Сначала дрожащей рукой мальчика, потом уверенной рукой мужчины, теперь – снова дрожащей, но уже от старости, рукой старика. Каждое утро мир вокруг него – хижина

на отшибе аула, кривая яблоня у порога, далекие горы Урала – замирал в ожидании. И с каждым штрихом пера что-то менялось. Иногда это было почти незаметно: тень от облака ложилась иначе, ветер менял направление. Иногда – катастрофически. Он помнил, как в юности, пытаясь переписать описание бури из Третьего Тома, вызвал град, который побил все посевы в долине. Тогда старый учитель, передавший ему Тома, лишь покачал седой головой. «Слова, Иршат, не описывают мир. Они его ткут. Ты не переписчик. Ты ткач. Или разрушитель». Учитель умер вскоре после этого, оставив ему восемь кожаных футляров и благоговейный, леденящий душу ужас. Иршат вздохнул, поставил перед собой чистый лист, обмакнул перо в чернильницу. Чернила были черными, густыми, пахнувшими полынью и старыми книгами. Но когда он коснулся пергамента, вывел первую закорючку первой буквы, чернила на бумаге стали алыми. Как и в оригинале. Мир сжался до кончика пера, до белизны листа, до красной, пульсирующей в такт его сердцу строки. За окном яблоня содрогнулась, и с ее ветвей осыпались все цветы, еще не успевшие стать плодами. Начинался новый день ткачества.

Альфия принесла воду и лепешки, как делала это каждое утро последние десять лет. Она была внучкой его старшей сестры, давно ушедшей в мир иной. Молчаливая, с глазами цвета спелой черемухи, она никогда не задавала лишних во-

просов. Просто ставила глиняный кувшин и плоскую плетеную корзинку на краю стола, замирала на мгновение, глядя на склоненную седую голову и бесконечно движущуюся руку, и так же тихо удалялась. Но сегодня она задержалась. «Деда Иршат, – голос ее был тих, но четок. – В ауле говорят. Говорят, что река ниже по течению поменяла цвет. Стала мутно-желтой, как глаза больной коровы. И рыба в ней плавает кверху брюхом». Иршат не отрывался от листа. Он заканчивал переписывать главу о «Подземных водах, что точат камень терпения». В оригинале этот фрагмент был написан с каким-то надрывом, буквы вздымались, как волны. Он пытался сгладить их, найти гармонию, но это было подобно попытке унять шторм силой мысли. Его перо выводило: «...и вода, не вынося тяжести безмолвия, обратилась в желчь...». «Я знаю, дитя мое, – пробормотал он. – Это пройдет. Нужно найти правильный оттенок слова «терпение». Не каменное, а гибкое, как ива». Альфия не уходила. «Еще говорят, что у Рамиля-овчара пропали три овцы. Нашли их на рассвете в тумане. Они были живы, но шерсть на них... была заплетена в странные узлы. Как письмена». Иршат вздрогнул. Глава, которую он переписывал на прошлой неделе, была о «Кудрявых облаках, плетущих сны овцам на заре». Он явно переборщил с образностью. Реальность, словно глина, принимала отпечаток его слов слишком буквально. «Скажи Рамилю, чтобы не пас стадо у ручья с красными камнями три дня. Туман там сейчас... активный». Альфия кивнула,

но ее взгляд упал на открытый Седьмой Том. Ее глаза расширились. «Деда... буквы. Они шевелятся». Иршат резко прикрыл тяжелую крышку тома. Глухой стук прокатился по комнате, словно захлопнулась дверь в далекой пещере. «Не смотри на них прямо, девочка. Они еще сырые. Не вчерне, а в-сущности. Они ищут форму в нашем мире». Он впервые за много лет пристально посмотрел на Альфию. Видел не просто родственницу, приносящую еду, а молодую, острую душу. В ее молчаливой наблюдательности была сила. «Ты должна запомнить, Альфия. То, что я делаю – не просто старый бред. Это служба. Очень опасная. Мир, в котором мы живем... он лишь один из возможных черновиков. Тома – это и есть набор изначальных, силовых черновиков. Переписывая их, я пытаюсь... сгладить углы, исправить опiski, которые причиняют боль. Достичь такого варианта текста, где всему найдется место без страдания. Просветления. Но каждый мой штрих меняет и сам черновик. Это бесконечная работа». «Почему вы?» – спросила она. «Потому что мой учитель выбрал меня. А я... у меня не хватило мудрости отказаться. Или смелости уничтожить Тома». В тот вечер, когда Альфия ушла, Иршат не стал писать дальше. Он смотрел на закат, окрашивавший снежные вершины Урала в тот самый цвет киновари, что была в чернилах. Он думал о желтой реке и овцах с письменами в шерсти. Он думал о просветлении, которое уплывало от него, как мираж, с каждым новым искажением мира. И он думал об Альфии. Ей нужно будет

все рассказать. Восемь Томов нельзя оставить без хранителя. Без ткача.

Наступила осень, и с ней пришли странные сны. Иршат видел во сне город из черного стекла и сияющей стали, где по небу ползали железные птицы без крыльев, а люди смотрели в маленькие мерцающие коробочки в своих руках. Он видел поля, выжженные дочерна, и слышал грохот, от которого дрожала земля. Эти видения приходили после работы с Восьмым Томом, самым тонким, самым пугающим. Он назывался «Грядущие Отзвуки». В нем не было связного повествования, только обрывки, намеки, кошмарные и прекрасные образы возможных миров, которые отзовутся когда-нибудь эхом в их реальности. Иршат понял: он заглядывает не в будущее, а в соседние черновики. Реальности, которые могли бы быть, если бы изначальный текст был написан иначе. Он стал осторожнее, его почерк, всегда твердый, теперь иногда колебался. Эта неуверенность тут же отражалась на ауле. Погода стала капризной: утром палило солнце, к полудню мог пойти град, а к вечеру выпасть иней. Люди ворчали, говорили, что старый Иршат окончательно выжил из ума и гневит духов. Только старейшина, сухонький Айрат-агай, помнивший учителя Иршата, качал головой и призывал к терпению. Однажды Альфия пришла не одна. С ней был юноша, ее ровесник, с умными, быстрыми глазами. Его звали Булат. «Деда Иршат, Булат учится в городе, на истори-

ка. Он нашел кое-что в архивах», – сказала Альфия. Булат нервно поправил очки. «В метрических книгах нашего аула за полтора века назад, агай. Есть запись о некоем «великом беспокойстве». Описано, что несколько дней подряд солнце вставало на западе, а садилось на востоке. Река текла вспять. А потом все встало на свои места. Но в записи есть пометка: «Сие случилось в дни завершения Великого Списка отшельником Камилем». Камиль... это имя вашего учителя?» Сердце Иршата екнуло. Учитель. Да, его звали Камиль. Значит, он тоже завершал полный цикл переписи? И его работа вызвала такие... коррекции реальности? «Спасибо, Булат. Это ценное знание. Оно лишь подтверждает мою догадку: воздействие нарастает к концу цикла. К завершению Восьмого Тома». После их ухода Иршат открыл Первый Том. Самый ветхий. На его последней странице, под переписанным текстом мелким почерком Камиля, стояла приписка: «Восьмой – ключ. Но ключ от двери, которую лучше не отпирать. Или нужно иметь готовый новый мир на смену старому. Я не успел. Удачи тебе, Иршат». Старик закрыл глаза. Значит, учитель не достиг просветления. Он лишь едва не сломал мир, пытаясь его исправить. А теперь эта участь ждала его. Или... ждала? Страх, холодный и цепкий, впервые поднялся в нем не за мир, а за себя. За свою душу, которая может не выдержать последнего рывка. В тот день он не написал ни строчки. Вместо этого он стал учить Альфию. Показал ей, как готовить чернила: не просто сажа и вода, а толченая

скорлупа определенной птицы, капля росы, собранной с папоротника в полнолуние, пепел от сожженного листа с молитвой о покое. Объяснил, что перо должно быть только гусиным, от птицы, выращенной в тишине. Говорил о балансе, о том, что нельзя вносить в текст свою злобу или отчаяние – они прорастут, как ядовитые грибы. Альфия слушала, впитывая каждое слово. Она стала помогать ему готовить материалы, и Иршат с удивлением заметил, что когда она размешивает чернила, они приобретают более глубокий, спокойный оттенок, а перо в его руке скрипит меньше. Возможно, в ее простоте, в ее чистоте было что-то, что могло стать противовесом древней, вывернутой наизнанку мудрости Томов. Булат же, заинтригованный, стал рыться в легендах. Он принес однажды пересказ старинной башкирской эпической поэмы, где герой сражается с «Великим Книжником», который «ткал паутину судеб из слез и букв». В описании Книжника угадывались черты, знакомые Иршату: отрешенность, власть над природой, и в итоге – превращение в камень от тяжести собственного знания. «Это не предсказание, агай, – пытался утешить его Булат. – Это просто миф». Но Иршат знал: в мифах часто содержится больше правды, чем в летописях. Мифы – это отголоски тех самых иных черновиков, просачивающиеся в общее сознание. Зима пришла ранняя и суровая. Иршат работал над Шестым Томом, «Томом Тишины и Шума». Однажды, выводя сложную метафору о «крике снега, падающего на землю», он почувствовал резкую боль в

груди. Рука дрогнула, и клякса, черная и безобразная, упала на чистый лист. В тот же миг в печке потух огонь, а за окном воцарилась абсолютная, гнетущая тишина. Пропали все звуки: ветра, скрипа деревьев, даже собственного дыхания Иршат не слышал. Тишина была физической, давящей. Он в ужасе посмотрел на кляксу. Это была не просто ошибка. Это была рана на ткани реальности. Он схватил нож для резки бумаги и, помолившись всем духам, которых знал, аккуратно вырезал испорченный кусок пергамента. Кусок, свернувшись, сгорел синим пламенем у него в пальцах. И звуки вернулись: завыл ветер, затрещали балки, он услышал собственное стучащее сердце. На месте выреза на листе не осталось дыры – пергамент был цел, но текст вокруг того места потускнел, стал менее ясным. Ценой утраты части смысла он залатал дыру. Иршат понял, что его силы на исходе. Ошибки становятся фатальными. Цикл нужно завершать до того, как дрожь в руках или помутнение разума приведут к неоправимому. Он должен начать переписывать Восьмой Том, последний, самый опасный. Ключ. Но ключ к чему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.